

ЕЛЕНА ТРАВИНА

Кандидат философских наук

Родилась в Ленинграде. Окончила философский факультет Ленинградского университета и Восточно-европейский институт психоанализа. Преподавала в вузах города и в свободное время проводила экскурсии по Летнему Дворцу Петра I. Автор книги «Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире» (СПбГУ, 2007). Соавтор книг «Сотворение мира» и «Восстание масс» (СПб., 2005), посвящённых переменам в жизни человечества, произошедшим в XX веке. Автор цикла статей о мифах современного мира: «Старые мифы о главном» («Звезда», № 11, 2007); «Миф о трёх богатырях: творение Российской империи» («Нева», № 12, 2008)

и «Миф о короле Артуре: творение Западного мира» («Зарубежные записки», № 1, 2009). Подготовила к печати отрывки из воспоминаний деда: Евгений Смелов. «Думы о былом. Петроград в 1919–1921» («Русский мир», № 3, 2010). В настоящее время работает над аналитическими статьями о поколении семидесятников, публикуемыми в журналах «Нева» и «Звезда». Лауреат премии журнала «Нева» (2009). Принимает деятельное участие в исследовательском проекте «Келломяки–1913», посвящённом историческому прошлому посёлка Комарово (бывш. Келломяки) под Санкт-Петербургом.

РУССКАЯ ФИНЛЯНДИЯ ИЛИ ФИНСКАЯ РОССИЯ

Травелог

Лопахин: До сих пор в деревне были только господа и мужики, а теперь появились ещё дачники. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности.

Теперь он только чай пьёт на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десяatine он займётся хозяйством, и тогда ваш вишнёвый сад станет счастливым, богатым, роскошным...

А. П. Чехов. Вишнёвый сад

Попасть в русскую Финляндию можно несколькими способами.

Приехать в Репино (Куоккалу) на выходных, чтобы поваляться на солнышке и побродить по мелководью залива. Прогуливаясь по берегу до репинских «Пенатов», набрести на мегалитическую террасу, которая, как кажется, осталась от времён «Калевалы», когда здесь обитало могущественное и загадочное племя древних финнов. Здесь их жрецы, наверное, совершали таинственные обряды под закатными лучами солнца. Да и для какой другой цели могли быть так обтёсаны и уложены эти валуны? Ну не строителями же начала XX века для укрепления берега, чтобы дамы, проживавшие на даче, могли сидеть в шезлонгах на террасе и любоваться видом на залив, скрываясь от жаркого июльского солнца в ненадёжной

тени кружевных зонтиков. А по выложенной каменными плитами дорожке к ним бы спешили господа в светлых чесучовых костюмах со стаканом оранжада в руке¹.

Можно купить путёвку в пансионат и, совершая вечерний моцион по живописной дорожке, выходящей между заливом и Приморским шоссе, набрести на деревянную дачу в стиле модерн, одиноко стоящую на берегу, или на вросший в землю домик с полукруглой ажурной верандочкой. Кстати, не факт, что на следующий день вы увидите те же дачу и домик, а не их почерневшие дымящиеся останки с беззащитно торчащими из пепелища печными трубами. Земля на Карельском перешейке стоит дорого.

Можно снять дачу на лето, и лучше — в Комарове. Репино слишком суматошно со своим супермаркетом «24 часа» и рестораном «Шальяпин», со своими коттеджными посёлками «с иголки», в которые призывают на постоянное место жительства «новую русскую аристократию». Демократическое и богемное Комарово долго избегало участи стать петербургской «Рублёвкой». Роскошные загородные дома были построены чуть в стороне, в Ленинском (бывшем финском Хаапала). А здесь мирно дремали дачи Литфонда (и «будка» Анны Ахматовой не имела бы ни малейшего шанса стать хотя бы половинкой гаража в элитном Ленинском). За железной дорогой выживали, как могли, дачи Академического посёлка, иначе называемого Академяками (по аналогии с бывшим финским названием Комарова — Келломяки). За длиннющими штaketниками ведомственных детских садов сидели в песочницах детишки, вывезенные на природу из душного города. По улицам, ведущим к магазину, неторопливо шли «льготники»: участники войны и жители блокадного Ленинграда, арендующие госдачи по льготным ценам. К Щучьему озеру (Хаукяярви) на велосипедах ехали мамы, посадив своего малыша на раму. Их мужья снимали те же госдачи, но по ценам вполне «реальным».

Вокруг них всех была старая русская Финляндия (или финская Россия), спрятавшаяся за привычными и замылившимися глаз советскими фасадами. Рядом с Академяками медленно разрушалась резная дача госпожи Юхневич и террасами спускались вниз к заливу заросшие пруды «Виллы Рено»; детишки возвращались на «тихий час» в двухэтажные дачи с верандами и башенками, а пенсионеры кормили внуков клубникой в маленьких домиках, принадлежавших когда-то местным ремесленникам и торговцам.

Прошло время, и к концу нулевых годов спокойная и размеренная жизнь Комарова стала меняться. Исчезли детишки по причине закрытия ведомственных садиков. Исчезли льготники по причине упразднения льготных дач и перевода их в разряд коммерческих. Щекастые и упитанные малыши слезли с велосипедных рам и превратились в длинных, тощих и чуть усатых подростков. У их мамаш, ставших за десять лет аренды госдач аборигеншами, появилась уйма свободного времени. Одни занялись цветами и дорожками, другие обслуживанием шашлыков.

Наиболее редкие экземпляры оглянулись вокруг и, в свою очередь, вслед за немногими романтиками увидели, как сквозь советскую «матрицу» проступает иная реальность.

Вслед за Белой Ахмадулиной (Дом с башней. 1985), которая написала про дом на берегу залива:

Хоть не темнеет, а светает рано.
 Лет дому сколько? Менее, чем сто.
 Какая жизнь в нём сильная играла!
 Где это всё? Да было ль это всё?
 Я полюбила дом и водостока
 Резной узор, и более всего
 Со шпилем башню и цветные стёкла.
 Каков мой цвет сквозь каждое стекло?
 Мне кажется, и дом меня приметил.
 Войду в залив, на камне постою.
 Дом снова жив, одушевлён и светел.
 Я вижу дом, гостей, детей, семью.
 Из кухни в погреб золотистой финки
 Так весел промельк! Так она мила!
 И нет беды печальней детской свинки,
 Всех ужаснувшей, — да и та прошла.
 Так я играю с домом и заливом.
 Я занята лишь этим пустяком.
 Над их ко мне пристрастием взаимным
 Смеётся кто-то за цветным стеклом;

вслед за Натальей Галкиной, которая описала наслаивающиеся друг на друга реальности прошлого и настоящего в романе «Вилла Рено» (М., 2004); за киношниками, снимающими фильм о Серебряном веке, из журчания ручейка, утреннего тумана над прудом, марева июльской жары — стали являться их герои. Времена совместились, и проходом в параллельные миры стала водная стихия, царящая в Келломяках.

Залив и летние проливные дожди, озёра и пруды, ручейки и речки, колодцы и колонки, тысячи литров водки и лимонада, потреблённых коллективно за сто лет дачниками: купцами разных гильдий и генералами, почётными гражданами и коллежскими секретарями, писателями, академиками, льготниками и мамашами. Вода для них то тихо шелестела, то деловито журчала, но всегда одну фразу: «Я всё помню, и если захотите — покажу».

Дорога в никуда

Трофимов: Продано ли сегодня имение или не продано — не всё ли равно?
С ним давно уже покончено, нет поворота назад, заросла дорожка.

Келломяки переводится как «Колокольная гора»². Значение «колокольной» затерялось за сто прошедших лет. А «гора» видна и сейчас, потому что именно здесь, на пространстве между Куоккалой (Репино) и Териоками (Зеленогорск), круто идёт вверх то ли берег древнего моря, то ли остатки ещё более древних гор. Рельеф местности тот же, что в Петергофе и Ораниенбауме на другом берегу залива. И если бы Пётр сделал столицей, к примеру, Выборг, то Большой Петергофский дворец с фонтанами вполне мог бы находиться где-то на месте Академяк. И фонтаны бы исправно работали, получая воду из Хаукиярви. Спустя двести лет такой живописный с точки зрения художника и перспективный с точки зрения архитектора перепад высот был использован при строительстве дач.

Дачный «бум» начался в самом начале XX века в связи со строительством железнодорожной станции Келломяки. Самые дорогие, как дача Агафона Фаберже, строились слева, почти на берегу залива, вдоль Приморского шоссе, или же, как «Вилла Арфа» архитектора Г. Барановского, на крутом откосе, с которого был виден Кронштадт и Петровские форты.

Справа же, за железной дорогой располагался собственно посёлок с магазинами, складами, домами и снова дачами, но уже попроще. Келломяки тянулись вдоль железнодорожного полотна в сторону Куоккалы, и для удобства дачников, живущих на окраине, был построен полустанок Канерва. Это место и сейчас легко приметить, потому что дорога делает здесь крутую петлю, огибая несуществующую уже постройку. Эта петля долго вводила меня в недоумение: что здесь было? Оказалось, полустанок.

Таких задачек Келломяки предоставляли великое множество, но — с малышом на велосипедной раме — они проскакивали мимо довольно быстро, не смея конкурировать с солнцем и горячей водой залива. Мимо пролетали старые фундаменты и высаженные в линию ели, затейливые веранды и башенки, кружевная вязь янтарного дома на краю дороги, круто уходящей вниз к заливу, и чугунная ограда с воротами, калитками и фонарём у дома напротив. С неё-то всё и началось.

Кованая ограда в стиле «модерн», составленная из копий, переплетённых диковинными лианами, звала рассмотреть себя поближе. Для этого достаточно было подойти к воротам и остановиться на дорожке, вымощенной булыжником, которая вела в глубь участка. Слева от ворот — калитка, а рядом с ней возвышался высокий чугунно-лианный же фонарь, склонив стеклянную голову, как диковинная птица. Калитка звала положить ладонь на кованую ручку, тёплую от солнца, и чуть потянуть её вниз. Мягко, как на смазанных кем-то недавно петлях, калитка медленно отворялась прямо

в куст жасмина. А впереди стоял дом: с заколоченными ставнями, провалившимися ступенями, выбитыми стёклами веранды.

Но не тот Дом, для которого когда-то поставили чугунную ограду и фонарь, ради которого вот уже почти сто лет мягко отворялась калитка. Этот, наверное, был когда-то хорош (а по меркам владельца «фазенды» в шесть соток просто роскошен), но выглядел не более чем домом привратника в сравнении с тем, настоящим, который не сохранился. И стоял тот, наверное, где-то в глубине участка, куда вела мощёная дорожка. Сейчас там только трава по пояс и кусты. А чуть левее, в направлении залива?

Каменная площадка и ступени. Пролёты лестницы, уходящей вниз, к заболоченному пруду. Лестницы, заросшей лопухами и закиданной стволами полуистлевших деревьев, которые не один десяток лет падали с откосов вниз, в овраг, по дну которого журчал чуть слышный ручей. Воображение убрало лопухи, кустарник и поверженные деревья, очистило лестницу и продолжило её дорогой, уходящей к заливу.

Журчание ручейка становилось чуть громче, и на образ милого и уютного Комарова наплывало что-то иное, незнакомое и тревожное.

«Удобный» мир

Гаев: Вот железную дорогу построили, и стало удобно. (*Садится.*)
Съездили в город и позавтракали.

Мир первого десятилетия XX века — это мир стиля модерн, провозгласившего своим девизом удобство. Говоря о модерне, мы представляем фасады домов в Петербурге или в Хельсинки, облицованные камнем, с совами или троллями над дверными порталами, с башенками и шпилями, с асимметричными эркерами и балконами, с ломаными крышами. Можно долго ходить вдоль фасадов, рассматривая нигде не повторяющиеся линии и сюжеты. Но это — внешнее. Еще важнее внутреннее послание.

Эти дома строились для «нового человека» только наступившего XX века. Его дед был ещё крепостным где-нибудь в Орловской губернии или сидел в «местечке» под Витебском, не смея пересечь черту оседлости. Внук же вполне мог закончить Технологический институт, стать инженером-строителем, хорошо зарабатывать и переехать из города Достоевского с жуткими комнатами-гробами в один из новомодных домов, например, в «Перцов дом»³ на Лиговке, где были квартиры для жильцов разного достатка, но непременно с ванными комнатами и телефонами. В таком доме были предусмотрены читальный зал, кинотеатр и магазины. Безо всего этого уже не мог обойтись «цивилизованный человек». Он должен был жить в достойных условиях, пользоваться благами науки и техники, читать и размышлять над прочитанным. Как истинный сын своего прогрессивного века, он не приспособивался к среде, но по мере сил пытался приспособить окружающую среду под себя.

Так выбирали квартиры, так строили дачи.

Если раньше человек въезжал в придуманный архитектором загородный дом, постепенно «притираясь» к его объёмам и планировке, то теперь архитектор «надевал» на заказчика дачу, как многослойную одежду, окружая его комнатами, коридорами, лестницами, каминами, ватерклозетами, верандами и мансардами. Раньше говорили: «построить костюм». Но можно и наоборот: дачу шили «на заказ», учитывая все особенности фигуры, то есть требования будущего владельца. Число детей и интересы главы семьи, увлечения хозяйки дома и круг гостей. Дом простирался далеко за свои формальные границы. К «дому» относились беседка в саду, сам сад с прудом, берега которого были выложены камнем, хозяйственные постройки, ледник, сложенный в саду из валунов и засыпанный землёй, неприменный колодезь с деревянным домиком наверху. В таком доме было удобно жить и по вечерам, сидя в лонгшезе с бокалом вина в руке, под пищанье комаров верить в безграничность прогресса.

И досадным недоразумением, глупым отступлением от прогрессивного пути цивилизации казалась Мировая война. Настроение российских элит выразила статья в журнале «Столица и усадьба» (1914. № 23), для этих элит и предназначенном: «То, что происходит сейчас в Европе, захватило почти весь мир; этот болезненный период организма мира, это временное помешательство даст после войны благодетельный результат. Хочется в это верить. Выздоровление — самая приятная часть жизни. И большинству из нас, несомненно, суждено пережить один из лучших периодов истории, который наступит после войны, этой острой болезни. После войны жизнь будет ещё интереснее, чем была до войны». Статья была подписана псевдонимом «Эпикур».

Если бы этот Эпикур умел не только наслаждаться жизнью, но и предвидеть будущее...

Всего через четыре года в России наступила эпоха «вторичной дикости», в которую столкнули страну большевики. И Келломяки могут быть важным вещественным доказательством в расследовании преступлений той эпохи.

Даёшь превращение проспектов в переулки!

Любовь Андреевна: Дачи и дачники — это так пошло, простите.

Передо мной «План дачного района Келломяки Финляндской железной дороги», который в 1913 году «с натуры чертил для Келломякского пожарного общества» художник И. А. Владимиров. Посёлок, возникший в одночасье на Лосином болоте при железнодорожной станции, имеет стандартную квадратно-гнездовую систему: практически все улицы пересекаются под углом 90 градусов. (Снова параллель с Петербургом: город начинался с Лосиного⁴ и Заячьего островов, посёлок — с Лосиного болота).

Здесь есть всё, что необходимо для нормальной жизни: церковь, аптека, полицейский дом и пожарные части (всего пять в разных концах поселка), театр «Ритц». Известно, что также здесь были магазины и почта, а наличие Докторской улицы наталкивает на мысль, что на ней жил практикующий врач. В конторе А. Рена, «близ церкви», производилась покупка дач, имений и земельных участков; работал страховой агент. В доме Торкеля, «против станции», продавались заграничные табачи и сигары, игрушки и парфюмерия. На плане обозначены товарная станция (железная дорога в районе станции была шестиколейной) и лесная биржа, торфяной и лесопильный заводы.

По обе стороны железной дороги располагалось 647 участков, и к 1913 году счастливыми «дачевладельцами» стало около четырёхсот человек. Цифра немалая, дававшая развернуться местному бизнесу в виде торговли молочными продуктами, мясом, яйцами, ягодами и грибами, а также частному извозу. Известно, что в соседних Териоках, к примеру, прибытия паровичка ожидало 400 лошадей, готовых развезти пассажиров по дачам.

Самые большие участки были разбиты на пространстве между Приморским шоссе и крутым склоном, почти обрывом. Границу этого обрыва обозначал проспект Льва Толстого (или Толстовский, как на плане Владимирова). Сейчас это чуть заметная тропинка, ведущая вдоль подножия склона, то перегороженная буреломом, то тонущая в болоте.

Следующий за ними ряд дач на гребне склона занимал всё пространство между обрывом и Большим проспектом (существует под таким названием до сих пор). Один из самых больших участков принадлежал архитектору Гавриилу Васильевичу Барановскому. Он — автор «Елисейских» магазинов в Петербурге и в Москве, буддийского храма в Питере и собственной «Виллы Арфа» в Келломяках (к сожалению, не сохранившейся). Барановский — редактор «Архитектурной энциклопедии второй половины XIX века» в семи томах, кажется так до сих пор целиком и не переизданной. Участок на краю обрыва давал свободу фантазии, и Барановский воспользовался ею сполна.

За Большим проспектом в сторону Вокзальной улицы (сейчас Лейтенантов) и железной дороги также находились довольно обширные участки, но чем дальше от станции в сторону Куоккалы, тем сильнее они уменьшались, дробясь на более мелкие владения.

Доминантами Вокзальной улицы были не столь давно снесённая дача фабриканта Арсения Андреевича Забелина на Горной и разрушающаяся, но пока «живая» дача купца Григория Ивановича Сандина на Троицкой (сейчас Кавалерийской). Говорят, они были хорошими друзьями. И потомки Забелина приезжают иногда на дачу Сандина — постоять на той земле, по которой когда-то ходил их прадед.

Два проспекта, параллельные береговой линии и железной дороге, пересекались несколькими улицами, спускающимися к заливу. Это по плану 1913 года. Сейчас всё не так. Улицы доходят до Большого проспекта и упираются в заборы: при СССР — детских оздоровительных

учреждений, теперь — представительских дач. Если нет забора, то путь преграждает обрыв.

Попробую пройти по проспекту и попытаться выяснить, что же осталось от прежних улиц.

Морская улица. Есть! Как и в старые добрые времена, ведёт от станции к заливу. На ней сохранилось несколько старых дач, «дышащих на ладан», и жемчужина среди них — дом Юхневич, выстроенный в русском стиле. Не вызывает тревоги лишь загородная резиденция губернатора Санкт-Петербурга — бывшие участки господ Сурина и Владимировой.

Следующая — Горная. Стоп! Тупик заканчивается обрывом, в который сваливают всякий мусор, — от набитых отходами полиэтиленовых пакетов до поломанных холодильников.

Далее по плану — Троицкая. Сейчас она называется Кавалерийской и по-прежнему ведёт к заливу. Это очень «нужная» улица. На ней в старом доме расположена газовая станция, откуда по всем арендуемым дачам развозят баллоны с газом. Сотрудники очень гордятся своей важной, почти секретной работой. Во всяком случае, когда я хотела сфотографировать фасад дачи и подошла к ней поближе, мне объяснили, что это секретный объект и фотографировать можно только с разрешения начальника. Начальник оказался очень милым человеком, дал своё добро, хотя и удивился, чего там снимать, и тут же начал жаловаться «корреспонденту» на заболоченность подведомственной территории.

Следующая улица — Церковная, сейчас — Артиллеристов. Вместе с Вокзальной, ныне Лейтенантов, и Кавалерийской эти три улицы напоминают о времени то ли Великой Отечественной, то ли «зимней» войны. Церкви на Церковной не было, она лишь «вела к храму», находившемуся по другую сторону железной дороги. (После сноса церкви Святого Духа долгие годы на этом месте был пустырь, заросший черничником и вереском; сейчас рядом оборудовали детскую площадку). Улица Артиллеристов подводит к обрыву и там заканчивается. Снова помойка.

Две следующих улицы — как сиамские близнецы. Социалистическая и Советская (бывшие Духовская и Аделина): «кто более матери-истории ценен?». Женой владельца одной из дач на нынешней Советской, наверное, была некая Адель. Или она была сестрой застройщика? Истина теряется в тумане десятилетий. Единственное, что мы знаем точно: эти улицы когда-то шли до залива, а теперь (официально) не идут. Вот такой факт. Хотя, может, попробовать неофициальными «козьими тропами»?

Участок между Церковной и Духовской принадлежал архитектору Барановскому. Сейчас там все перепахали под строительство дач для Конституционного суда, и пока «суд» да дело, можно попытаться обследовать склон. Опять помойка. А за ней... По склону вниз вьётся тропинка, она становится всё шире, на ней начинают появляться электрические столбы, чёрные, просмолённые, столетние. Некоторые ещё стоят прямо, некоторые наклонились под бременем невзгод и оперлись о стволы близлежащих деревьев, некоторые рухнули, и их медленно

затягивает болото и оплетает черничник. Всё это — остатки прежней Духовской улицы, которая после Толстовского проспекта становится Тарасовой. Надо сказать, что эти столбы выглядят довольно дико в лесу, где сейчас редко ступает нога человека. Но вот впереди забрезжил залив. Можно возвращаться обратно на Большой проспект.

Почти весь участок между Духовской и Аделиной предположительно принадлежал профессору Санкт-Петербургской консерватории Екатерине Адольфовне Вальтер-Кюне, но на самом берегу обрыва притулился «Замок-Шишка» г-жи Гернанд, сохранившийся до сих пор. Между ним и «Виллой Арфа» по оврагу, разделяющему эти участки, бежит ручей. Когда-то на пути ручья был вырыт пруд, облицованный камнями. Остатки этой каменной чаши сохранились до сих пор, в очередной раз напоминая о временах цивилизации, сменившихся временами разрухи и помоек.

Следующая улица — Французская, ныне — Отдыха. Участки принадлежали господам Канегиссеру и Грушецкому. На участке Канегиссера (ныне санаторий «Мать и дитя») сохранилась деревянная заброшенная дача. Она стоит почти на краю обрыва и уже несуществующим балконом второго этажа смотрит на залив (тогда деревья его не закрывали)⁵. Рядом снова помойка, а под ней обнаруживается старая тропинка — остатки Аделиной улицы, ведущей к заливу (правда, уже под другим названием: Ключевая).

Французская приведёт к заливу более цивилизованно, но только пешеходов. Дорога крутая, гравиевая, проходящая через болото, по которому проложена гать. Дальше дорога выравнивается и расширяется. В какой-то момент начинаешь чують запах гниющих водорослей: залив уже близко.

За улицей Отдыха следует одноимённый переулочек, отсутствующий на карте Владимирова. Но благодаря этому переулочку можно увидеть ещё одну примету прошлого — каменную лестницу, выстроенную когда-то владельцем дачного участка для личного пользования: спуска с крутого обрыва на Толстовский проспект и дальше к заливу. Таких лестниц было несколько. Осталось, кажется, две или три. Вытесанные каменные ступени, круто уходящие под обрыв, замедляют свой бег на небольшой площадке и снова устремляются вниз.

За Французской идет самая загадочная — Болгарский проспект⁶. Вот его не осталось почти совсем. У железной дороги его «съел» дом отдыха «Комарово», оставив загадочную просеку, уходящую вдаль. У залива — такую попытку сделали болота и бурелом, невзирая на которые, дорога всё же доводит до Приморского шоссе. На пересечении с Большим проспектом Болгарский обозначает себя линией ёлок, уходящих за территорию дома отдыха «Комарово», да канавой по обочине. Чуть дальше был сказочной красоты Болгарский обрыв, где по вечерам любила прогуливаться дачная молодёжь. Обрыв срыли во времена «зимней войны». Остался не обрыв, а так, обвал.

Последняя улица на плане — Октябрьская, названная, скорее всего, в честь Манифеста 17 октября 1905 года, провозгласившего свободы

и учредившего Государственную думу. Догадливые работники идеологического фронта не поддались соблазну оставить родное сердцу название и переименовали Октябрьскую улицу в Лесной проспект. «Огрызок» же Болгарского проспекта наименовали Октябрьской улицей. Как говорят в народе, без поллитры не разберёшься. А моя интеллигентная бабушка вместо народной «поллитры» говорила: «Без горохового супа...»

Детские «очаги»

Лопухин: Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки
увидят тут новую жизнь.
Музыка, играй!

Трудно сказать, как было дело с именем, где произрастал Вишнёвый Сад, но касательно Келломяк Лопухин бы не ошибся. На землях Келломяк, переименованных в Комарово⁷, возникли дома отдыха творческих союзов, детские санатории и летние детские ясли-сады, еще лет десять до того называвшиеся «очагами». Где они все разместились? Всё на тех же дачах петербургских дачников начала XX века. Садик Военно-медицинской академии на участках господ Попова и Квашнина, садик Ленинградского военного округа на даче госпожи Юхневич, садик трамвайно-троллейбусного управления на участке г-на Абеля, садик Центрального района в дачах господ Савельева, Коха, Стенберга и Николаи.

Детишкам было привольно: большая территория, рядом залив и озеро, белки прыгают и ёжики топают. А уж птицы поют! Правда, взрослые сразу обратили внимание на неприспособленность помещений: сплошные лесенки, верандочки, фонарики, балконы. Да и помещения маленькие, к тому же заставленные печами и каминами. С излишествами стали нещадно бороться. Балконы ликвидировали, чтобы дети не вывалились со второго этажа. Наружные лестницы перегородили по той же причине. Башенки убрали, чтобы, не дай Бог, не упали кому-нибудь на голову. Каминны и печи ликвидировали за ненадобностью, прибавив к тому же сантиметры на дополнительное койко-место. Выкрасили всё синей краской. А шпили с башенок попадали сами.

Взрослых нельзя винить. Они приспособливали нестандартные дома для новых целей, чтобы было удобно и по возможности без детских травм. Но в предложенных обстоятельствах красота увяла. Изуродованные дома тихо разрушались и беззвучно кричали, но окна-рты заколачивали досками.

В конце девяностых стало совсем плохо. Деньги на содержание садиков у предприятий кончились, большинство перестало вывозить детишек на дачу, и дома оказались предоставлены сами себе. В отличие от администрации садиков, которая не видела никаких ценностей на подведомственной территории, нашлись люди, которые эту ценность сразу «просекли». Сначала пришли мародёры и стали взламывать чудные изразцовые каминны

и паркеты. Украли чугунную решётку «Виллы Рено», хотелось бы надеяться, на чью-то дачу, а не в металлолом.

Потом в разорённые дома пришли бомжи. По утрам они уходили на промысел, вечерами возвращались «домой», а ночью начинались пожары. Сгорела дотла дача Агафона Фаберже, бывшая «жемчужиной» северного модерна, сгорели дачи директора Русского для внешней торговли банка Андрея Яковлевича Поммера и купца Бательта. Сгорел дом управляющего «Виллы Рено» (сама вилла сгорела в незапамятные времена).

Детские сады обрели своё прежнее, первого десятилетия советской власти название и стали очагами. Очагами пожаров.

То, что не сгорело, просто разрушалось. Жители соседних домов, приезжая весной, видели, что за зиму соседняя дача ещё больше накренилась, что башенка-таки упала, что крыльцо сгнило, что ступеньки провалились. Бывшие памятники архитектуры (памятники по сути, а не на бумаге) превратились в ветхие и угрожающие жизни постройки. Земля всё дорожала. Пришло время их сносить.

«Вишнёвый сад»

Лопухин: Местоположение чудесное, река глубокая. Только, конечно, нужно поубрать, почистить... например, скажем, снести все старые постройки, вот этот дом, который уже никуда не годится, вырубить старый вишнёвый сад.
Любовь Андреевна: Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете. Если во всей губернии есть что-нибудь интересное, даже замечательное, так это только наш вишнёвый сад.

Чем хорошо Комарово?

Местоположением? Наверное, да. В случае жаркого лета вы оказываетесь одновременно и на юге и на севере. Можно купаться на море, а можно на озере. После загорания на горячем песочке пойти собирать грибы и чернику. Хотя морем это назвать язык не поворачивается, особенно когда отлив. Да и пованивает водорослями в июле не слабо.

Климатом? Вот уж нет! В двадцатых числах августа вы встречаетесь с приятельницей в магазине, одновременно задаёте друг другу «дежурный» вопрос: когда же наступит лето? — и начинаете нервно смеяться, понимая, что оно теперь наступит только на следующий год. А этот год прошёл в резиновых сапогах и куртках.

Богатством флоры и фауны? Не более чем везде. Хотя в одном первенство, несомненно, за нами. Такого количества и качества комаров, как в Комарове, нет, кажется, нигде. Местные болота способствуют выведению породы особо крупных, злющих и ядовитых насекомых, укусы которых могут не заживать неделями.

Чистотой лесов и вод? Скорее наоборот. Количество стихийных помоек в лесах увеличивается с каждым годом в геометрической прогрессии.

Канализации нет, и куда сбрасывается содержимое выгребных ям, централизованно собираемое в автоцистерны? Правильно, в лесные озёра и речки, в частности, за бывшим совхозом «Ленинское». Места красивейшие, но несколько десятков метров по шоссе надо ехать зажав нос. Вода в Щучке, как, впрочем, и её берега, загрязнена до безобразия, потому что количество людей на берегу в выходные заходит за все разумные пределы.

Но, как ни странно, всё это можно простить ради одного: странной и непередаваемой ауры посёлка, сложившейся десятилетиями и жившей до последнего времени. Где вокруг участков не было заборов, разве что из штакетника. Где никогда не разбивали огороды, позволяя расти ёлкам, папоротникам и черничнику. Где хорошим тоном считалось ходить в библиотеку и на субботние встречи с писателями. Где в последних числах августа устраивались неперенные «прощальные костры» с входной платой в десять шишек. Где летом принято было ездить на велосипедах, а зимой на финских санях. И за всеми этими правилами наблюдали покосившиеся дома, сложенные из обтёсанных валунов фундаменты, крепкие, ещё столетней давности дороги да ёлки, высаженные в ряд вдоль улиц. Им это нравилось.

До Комарова «добрались» те, которые с топорами. Их девиз: «Здесь история измеряется не веками, а сотками»⁸. Чего лишилось Комарово за последний год и чего может лишиться в ближайшем будущем?

Снесены дома на территориях детских садов на улицах Морской, Водопьянова и Школьной. Они огорожены заборами, и там начинается строительство коттеджных посёлков. В три дня снесена дача на участке Чечулина (предположительно русского историка и члена Русских исторического и археографического обществ). Да, она находилась в аварийном состоянии, но ещё несколько лет назад её можно было спасти. На руинах нами были найдены большие куски штукатурки с наклеенными на них обоями и газетами 1904–1905 годов. Всё, что удалось спасти, теперь висит в рамочке в комаровской библиотеке.

Разрушен один из двух уникальных стеклянных садовых павильонов, второй находится на участке, идущем на срочную продажу.

В самом конце 1-й Дачной, за оврагом, рядом с которым когда-то стояла мельница, разрушается на территории ещё одного садика красивейший дом. О нём вообще мало кто знает: не доходят, сворачивая на озеро метров за пятьсот. Он прослужил своим хозяевам, а потом детишкам верой и правдой сто лет. Он довольно большой, деревянный с резными наличниками, оригинальными оконными переплётами, рисунок которых повторяется на внутренних дверях. У него удивительная веранда. Она застеклена на четыре стороны — это получилось сделать потому, что её соединяет с домом лишь коридорчик с дверью. Потолка нет, над головой переkreщиваются балки, а ещё выше по периметру, под самой крышей идёт стеклянная опояска.

Дом зимний, но очень тёплый, потому что инженер начала XX века применил оригинальную систему отопления. По центральной лестнице от пола до чердака идёт мощный воздуховод, в который собирался горячий воздух из всех печей. И холодная лестница тоже становилась тёплой и не охлаждала жилых помещений. Дом пока стоит, но только потому, что нет денег на его разборку.

На Горной, у самого обрыва, в доме Штутмана сохранилось витражное окно с жёлтыми, зелёными и красными стёклышками, а ещё паркет «шашечками», а ещё лепные розетки на потолке со щекастыми ангелочками. Соседом господина Штутмана был Анатолий Александрович Шамонин, титулярный советник, служивший в Главном казначействе. Его официальный адрес, который даёт адресно-справочный указатель «Весь Петербург», — это «ст. Келломяки Финляндской железной дороги, собственный дом».

Похоже, что Шамонины «задержались» после Октябрьской революции в Келломяках. На местном кладбище покоятся Ольга Васильевна Шамонина (урожденная Сокольская), жена настоятеля церкви на Шуваловском кладбище, и их дети Зоя Владимировна и Вера Владимировна, умершие не столь давно, в конце 80-х — начале 90-х годов XX века. Может, остались ещё потомки? И кем они приходились Анатолию Александровичу? «Весь Петербург» подсказывает, что Александр и Владимир были братьями. А в 1913 году о. Владимир служил в церкви в память 300-летнего царствования Дома Романовых.

Соседом Шамонина и Штутмана предположительно был Александр Мечиславович Юхневич, заведующий театральной комиссией Невского общества устройства народных развлечений. Затем домом владела его жена и, по одним сведениям, продала, по другим — сдала в аренду одному из питерских народных домов. Сюда приезжали артисты, дававшие благотворительные концерты в народных домах, в том числе Кшесинская и Шаляпин.

После войны на участке Юхневич был детский лагерь, а сейчас, кажется, дом на Морской, 5 продан. Им любовался каждый, кто хоть раз спускался по Морской к заливу. Дом ещё крепкий, его ещё можно было бы спасти и устроить в нём, к примеру, музей посёлка, который уже создан, но уютится в бетонной коробке здания муниципального совета.

Ниже, у залива, разваливаются полусгоревшие дачи Поммера, Бательта и Габерцетель. У железной дороги «дышит на ладан» дача купцов-староверов Сандиных. Иван Григорьевич, основавший фирму, торговавшую «шапками и шляпами», был старостой единоверческой церкви на Большеохтинском кладбище. Сын, Григорий Иванович, потомственный почётный гражданин, к 1913 году являлся уже главой фирмы «Сандин И. Г. и сын».

Отдельный сюжет — территория «Виллы Арфа» архитектора Барановского, отданная в настоящее время Конституционному суду. Сама вилла сгорела во время то ли «зимней», то ли Великой Отечественной войны.

Сохранились лишь фотографии. Барановский, талантливый архитектор, член всевозможных архитектурных и строительных сообществ, историк архитектуры, был женат на девице из большого семейства купцов Елисеевых. Он и стал их «семейным» архитектором, построил для них несколько домов, в том числе знаменитый Елисеевский магазин на Невском.

«Вилла Арфа» получила своё название по эоловой арфе, установленной на высокой башенке дачи, и услаждавшей слух жителей Келломяк в ветреную погоду. До сих пор на территории участка сохранились каменная беседка и каменная же чаша пруда, имеющего форму палитры. Но самая главная сохранившаяся достопримечательность — терраса на склоне холма. С её верхнего яруса можно было любоваться заливом, Кронштадтом и фортами. На нижнем, по некоторым сведениям, можно было устраивать театральные представления любительской труппы. Наверное, с небольшим количеством актёров, двумя-тремя. А может, и с одним. И дачница-соседка срывала аплодисменты монологом Нины Заречной из чеховской «Чайки»:

Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде, морские звёзды и те, которых нельзя было увидеть глазом; словом, все жизни, все жизни, свершив свой печальный круг, угасли...

Холодно, холодно, холодно.

Пусто, пусто, пусто.

Страшно, страшно, страшно.

Процветающий курортный посёлок к середине 1920-х годов превратился в «депрессивный», как сейчас говорят, малонаселённый пункт. Финны, получившие независимость, а с ней и свою землю в декабре 1917 года, ничего уже не могли сделать. До русской революции они ещё высказывали недовольство засилием русских на Перешейке, которым был не указ финский «сухой закон» и ради которых приходилось учить язык и терять свою «финскость». Но что греха таить: дачная и курортная индустрия создавала множество рабочих мест и давала возможность подзаработать местному населению. К лету же 1918 года исчезли «как класс» те, для кого всё это затевалось, — дачники. Кого-то расстреляли, кто-то догадался эмигрировать сам. Несколько десятков семейств остались «за границей» на своих дачах, и на комаровском кладбище сохранились могилы Сандиных, Шамониных и Шихиных. До 1939 года на свою заграничную дачу советские власти разрешали выезжать семье академика Павлова.

Для всех остальных Келломяки и Питер разделила граница. Пока пустующие дома ещё сохраняли «товарный вид», их стали раскатывать на брёвна и продавать. Около двухсот было перевезено в городок Ярвенпяя, что не доезжая Хельсинки. Несколько сохранилось там до сих пор. Через десять с небольшим лет, накануне «зимней войны» 1939 года, предвидя её итог, финны вывезли 410 тысяч человек (или 12% населения Финляндии) в глубь

страны. 260 тысяч вернулись во время Второй мировой войны и снова были эвакуированы в 1944 году⁹. Остались дома в посёлках, хуторские хозяйства и кладбища. Это вывезти было нельзя.

После войны советская власть сделала попытку превратить посёлок в курортную зону. Здесь возникли санатории, дома отдыха и летние лагеря. Они находились в старых постройках, об истории которых вспоминать было немодно да и опасно, как обо всём до пресловутого 1913 года, с которым любила сравнивать свои достижения советская власть. Под охрану попали две-три не самые интересные в архитектурном смысле дачи (комплекс домов резиденции губернатора Петербурга и старая дача в стиле модерн, пожалованная Сталиным генералу Воронину), тринадцать могил на Комаровском кладбище и стандартный памятник воинам-освободителям на Ленинградской улице.

Остальные дома разрушались, их латали и перестраивали под свои нужды. И жили, в общем, по воспоминаниям, счастливо (ведь в детстве и юности и вода всегда мокрее). А старые дома... Попользуемся и построим новые, современные, светлые и удобные. (Как при огневом и подсечном земледелии первобытного строя: почва истощилась, и племя перешло на новое место).

И стали строить... В 90-е «замки феодалов» из красного кирпича с окошками-бойницами, могущие, наверное, выдержать удар баллистической ракеты, с камерами наружного наблюдения на высоченных, кирпичных же, заборах. Но кирпичные стены и камеры не спасали «авторитетов», которых отстреливали где-то в других местах. В нулевые пошли отдельно стоящие коттеджи и целые коттеджные посёлки за такими же необозримыми заборами. Под «горячую руку» чуть не попал под снос дом Анны Ахматовой. Но дачи-модерн уже не спасти.

По количеству VIP-ов на квадратный километр Комарово (как, впрочем, и всё побережье Финского залива от Сестрорецка до Зеленогорска) уже может, наверное, соперничать с Рублёвкой. И участки приобретаются, и дома строятся, потому что это престижно и «круто», это вводит в клуб избранных. Наверное, справятся с помойками и будут вывозить мусор куда-нибудь подальше, поставят, наконец, шлагбаум на Щучке, чтобы на берег не въезжали автомобили, наймут сторожа, который бы собирал десятки килограммов мусора после очередного уик-энда. Как везде в приличных местах.

Но с последней снесённой дачей-модерн аура личности уйдёт, и Комарово превратится в обычный коттеджный посёлок, которых теперь сотни на Карельском перешейке.

И нового Комарова никогда не будет, потому что не сохранилось старого.

Любовь Андреевна: Прощай, милый дом, старый дедушка.
Пройдёт зима, настанет весна, а там тебя уже не будет, тебя сломают.
Сколько видели эти стены...

¹ Бартнеровская стена в Репино (Куоккале). «Поэму „Облако в штанах“, — вспоминал Николай Чуковский, — Маяковский писал, живя у нас (в Куоккале). То есть не писал, а сочинял, шагая. Я видел это много раз. Записывал же значительно позже. Наш участок граничил с морским пляжем. Если выйти из нашей калитки на пляж и пойти по берегу моря направо, то окажешься возле довольно крутого откоса, сложенного из крупных, грубо отёсанных камней, скреплённых железными брусками. Это массивное сооружение носило в то время название Бартнеровской стены, потому что принадлежало домовладельцу Бартнеру, не желавшему, чтобы море во время осенних бурь размыло его землю. Вот там, на Бартнеровской стене, и была создана поэма. Маяковский уходил на Бартнеровскую стену каждое утро после завтрака. Там было пусто. Мы с моей сестрой Лидой, бегая на пляж и обратно, много раз видели, как он, длинноногий, шагал взад и вперёд по наклонным, скользким, мокрым от брызг камням над волнами, размахивая руками и крича. Кричать он там мог во весь голос, потому что ветер и волны всё заглушали. Он приходил к обеду и за обедом всякий раз читал новый, только что созданный кусок поэмы. Читал он стоя. Отец мой шумно выражал своё восхищение и заставлял его читать снова и снова...» (Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М.: Советский писатель. 1989).

² Наиболее распространённая версия гласит, что ударами в своеобразный колокол (подвешенный отрезок рельса) созывали на обед рабочих, строивших железную дорогу.

³ Доходный дом А. Н. Перцова, или «Перцов дом» (Лиговский, 44), был построен по проекту архитекторов С. П. Галензовского, И. Ю. Мошинского (при участии И. А. Претро) в 1910–1911 гг. в стиле модерн.

⁴ Васильевский остров назывался первоначально Хирвисаари (Лосиный остров).

⁵ После 1945 года дача на участке Канегиссера принадлежала генералу Воронину (Большой пр., д. 15). Памятник регионального и местного значения, состоящий на учёте в КГИОП.

⁶ Болгарский проспект назван так, видимо, после 1908 г., когда княжество Болгария получила независимость от Османской империи, и князь Фердинанд стал болгарским царём.

⁷ Келломяки были переименованы в Комарово в 1948 году в честь В. Л. Комарова (1869–1945), президента Академии наук СССР. Он много лет проработал в Петербургском ботаническом саду и изучал флору Камчатки. В 1945 году ему была выделена дача в академическом посёлке, но пожить там он не успел да, кажется, и не собирался, поскольку переехал в Москву. На стене кассового зала платформы Комарово установлена мемориальная доска, а в сквере — памятник академику Комарову. Всё это не мешает местному и пришлому населению связывать название посёлка с пресловутыми комарами либо с «авторитетом» по кличке Комар, отгрохавшим себе кирпичный замок в начале 90-х прямо супротив губернаторской резиденции.

⁸ Слоган компании-застройщика в районе Репино — Ленинское.

⁹ См.: Тюников К. Русская Финляндия. СПб.: РИЦ «Карельский перешеек», 2004.